

УДК 009

А. Э. Мурзин

Екатеринбург, Россия

ПРОБЛЕМА РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ И СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Доклад был представлен на XV Международной научной конференции «Модернизация России: ключевые проблемы и решения», Москва, ИНИОН РАН, 18-19 декабря 2014 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская идентичность, национальная политика, стратегии государственного строительства, постсоветская Россия

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу характера русской идентичности в контексте проблем национальной политики и государственного строительства постсоветской России. Автор делает вывод о необходимости разработки долговременных стратегий сближения народов России, обеспечивающих межнациональное взаимодействие и качественное изменение состояния межнациональных отношений.

A. E. Murzin

Yekaterinburg, Russia

THE PROBLEM OF RUSSIAN NATIONAL IDENTITY IN POLICY AND STRATEGY STATE CONSTRUCTION OF POST-SOVIET RUSSIA

KEY WORDS: Russian identity, national policy, strategy of state-building, post-Soviet Russia

ABSTRACT. This article analyzes the nature of Russian identity in the context of national policy and state-building post-Soviet Russia. The author concludes about the necessity to develop long-term strategies of oblige of the peoples of Russia, providing inter-ethnic interaction and a qualitative change of the state of interethnic relations.

Национальная политика в таком многонациональном, поликонфессиональном и поликультурном государстве как Российская Федерация неизбежно оказывается тесно связанной с общими целями государственного строительства. Она должна включать в себя вопросы регулирования отношений не только между различными этническими группами населения, но и национально-территориальными образованиями, имеющими разный правовой статус (в их числе национальные республики, в которых проживает 16,9 % населения страны). В противном случае все стратегии и програм-

мы национального развития становятся бессодержательными и малоэффективными.

Само изменение государственного устройства и переход к федеративному устройству российского государства после 1918 г. стал одной из форм решения национального вопроса в бывшей Российской Империи. Федерализация страны во многом способствовала превращению России на протяжении XX века в многонациональное государство в его современном понимании в качестве союза равноправных народов, изменив их правовой

и фактический статус, не исключая положение русского народа.

После распада СССР в 90-е гг. XX века национальный вопрос вновь вышел на первый план в качестве одного из решающих факторов формирования стратегии строительства новой России, поиска путей развития российского федерализма. Резкий подъем этнического самосознания вылился в широкий процесс «суверенизации» бывших национальных автономных образований. Следствием чего стало повышение их статуса, превращение 21 республики Российской Федерации в конституционно-правовом отношении в национальные государства в ее составе. Это изменение правового статуса национальных образований и их титульных этносов по сравнению с другими субъектами Федерации (краями, областями) усилило существующий «асимметричный» характер «этнотерриториальной» Федерации, которой по своему административно-территориальному устройству является современная Россия.

В то же время, по сравнению с другими российскими народами, рост этнического самосознания русских оказался по разным причинам заторможен. При этом, оставаясь крупнейшим этносом в Европе, русский народ (этногенез которого исторически во многом определил пути становления самого Российского государства) впервые за последние несколько столетий превратились в настолько осязаемое большинство в России. Этнические русские составляют сегодня в Российской Федерации 90% и более в составе населения 30 из 57 областей, включая два города федерального значения.

Распад прежнего государства вызвал острый кризис идентичности русских, принявших основную ответственность за его судьбу. Ситуация заставила говорить об утрате национальных начал жизни русских, недостаточной сформированности их национальной идентично-

сти, слабой коллективной солидарности. В Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)» это положение оценивается как «сложное социокультурное самочувствие русского народа, неудовлетворенность его этнокультурных потребностей» [15. С. 3]. К данному следует добавить факт негативной демографической тенденции, показывающей, что, по данным Всероссийской переписи 2010 года, численность русских сократилась в сравнении с 2002 г. на 4,9 млн. человек. И это на фоне подъема национального самосознания, этнической мобилизации, взрыва пассионарности, пережитого и переживаемого другими народами России!

Под влиянием различных факторов этническое самосознание русских постепенно усиливалось на протяжении предыдущего десятилетия, хотя эта тенденция не имела опоры в государственном устройстве современной России. Положение русского народа в сложившейся системе федеративных отношений отличается тем, что русские не обладают своей государственностью, отличной от общероссийской. Это обстоятельство начинает все больше обращать на себя внимание, потому что проблема положения русских в России неизбежно оборачивается вопросом о том, как интегрировать полиэтничное, мультикультурное население страны в политически и культурно единое целое (нацию), не ущемляя при этом суверенное право всех российских народов.

Государство до последнего времени пыталось обойти вопрос об этнокультурном и правовом положении русских, стремясь как бы перескочить сразу на следующую ступень в общественном развитии, где национальный вопрос уже не имел бы нынешнего значения. В основу модернизации российской постсоветской государственности был положен гражданско-либеральный проект. Глав-

ной задачей было объявлено создание в стране единой гражданской, политической нации. Место «советского народа» должны были занять «россияне», образующие фундамент нового «государства-нации», в котором гражданско-государственная идентичность должна будет превалировать над этнической. Народ рассматривается при этом как совокупность граждан-индивидов, организуемых системой формально-правовых отношений.

На деле в сегодняшней российской ситуации реализация данного курса как части государственного строительства основывается, с одной стороны, на сдерживании роста национального самосознания русских, а с другой – на использовании особенностей русской идентичности, дрейфующей между национальным и этнокультурным ее пониманием.

Тем не менее, именно у русских поиск государством путей формирования общенациональной идентичности продолжает вызывать наибольшее понимание и поддержку. У самих русских «восстановление государственно-гражданской идентичности в сравнении с другими народами России шло быстрее, а, главное, она становилась более выраженной («неразмытой», как выражаются психологи)» [4. С. 51]. По данным социологов уже в 2006 году в территориях с доминирующим русским населением – с «россиянами» идентифицировали себя 76-80% опрошенных [4. С. 51]. Тогда как, в целом по стране даже в 2013 году россиянами себя считают лишь 44%.

Установка на скорейшее преодоление этнокультурной и этноконфессиональной гетерогенности России ведет сегодня, как показывает практика, не к гармонизации межэтнических взаимоотношений, а к росту конфликтности в обществе. Достаточно напомнить, какой острый отклик вызывает обсуждение проектов перехода России от нынешней «этнической» модели к «территориальной» фе-

дерации в форме ее «губернизации», предполагающей выравнивание статуса всех регионов и ликвидацию национальных республик.

Тем самым, проводимый курс слабо влияет на общее изменение сложившейся в стране ситуации в сфере межнациональных отношений, прежде всего на процессы, продолжающиеся в национальных республиках. Зато применительно к русскому вопросу в современной России доктрина «государства-нации» «носит нигилистический характер, т.к. фактически направлена на преодоление социокультурного единства русских (русскости), их нивелирование в атомарных индивидов-россиян в духе либеральных политико-правовых воззрений» [13. С. 15].

Процессы возрождения этнического самосознания русских до последнего времени наталкивались на стремление государственной власти использовать прежнюю советскую модель в стратегии национально-государственного строительства, включая унаследованную от Советского Союза традицию институционализации национальности. Было продекларировано, что Российская Федерация является единственным государством на постсоветском пространстве, которое не пошло путем строительства национального государства, но избрало путь развития в качестве многонационального и федеративного.

Сложно по-настоящему оценить значимость данной позиции, потому что она была продиктована не выбором, а скорее отказом от него, связанным с движением по инерции в постсоветский период. Российская Федерация, можно сказать, остается «заложником своего советского наследия» [1. С. 9]. Этническая неконсолидированность русских, слабость русской идентичности, как и в советском прошлом, была использована для того, чтобы создавать видимость сохранения единства внутрироссийского про-

странства, образующую общую основу взаимного сосуществования всех народов.

В логике данной концепции национальные республики будут осознавать, что они находятся в некоем общем политическом, общегражданском, социальном поле, если окружающее их пространство будет оставаться размытым, обезличенным в этническом плане. Такая «нейтральная» в этническом плане общая среда призвана обеспечивать сохранение сложившейся системы отношений, включая диалог национальных республик друг с другом и центральной властью. Отражением логики подобного подхода уже стало формирующееся на повседневном уровне восприятие представителями национальных республик пространства России как делящегося на «свое» (внутри республики) и «общее» (за ее пределами).

Противоречивость данной политической конструкции заключается в том, что она исходит из убеждения, что укрепление идентичности малых народов усиливает единство России, а подъем этнического самосознания русского народа угрожает целостности государства. Компромиссный, промежуточный характер сложившегося положения проявляется в том, что он, по существу, никого не удовлетворяет, не открывает перспектив развития для подлинно федеративных отношений.

С одной стороны, в положении национальных республик перемены, произошедшие в 2000-е гг. после окончания периода «суверенизации», коснулись прежде всего их официальных отношений с федеральным Центром, не затронув продолжающиеся реализовываться их национальные проекты, основанные на концепции этноцентризма, доминирования этнического подхода над общегражданским. Премондриалистское, в традициях советской этнографии, понимание этничности политическими элитами нацио-

нальных республик ведет, вопреки официальным декларациям, в сфере культурно-бытовых отношений, воспитания, образования, пропаганды к формированию лишь новых разделительных линий. Подобное положение не только создает почву для межнациональных конфликтов в общероссийском пространстве (Кондопога, Пугачевск, Сагра, Бирюлево и др.). Оно продолжает питать уже укоренившиеся схемы, такие например, как «Кавказ (Северный Кавказ) и Россия» или такие проекты, как «Великая Черкесия», «Идель-Урал» и пр. Следует признать, что между федеральным Центром уже сложились, по существу, конфедеративные отношения с некоторыми республиками (Чечня, Татарстан).

С другой стороны, русские перестали ощущать, что сегодняшнее российское государство защищает их этнокультурные и социальные интересы. «У нас стало формироваться, – по словам публициста, – поведение меньшинства, фактически диаспоры в своей собственной стране ... началось растожествление в массовом русском сознании нации и государства. Русских долгое время убеждали в том, что Россия им не принадлежит. Наконец почти убедили» [16].

Региональные власти, которым вменено в обязанность предотвращать конфликты на межнациональной почве, в областях с преобладающим русским населением видят свою задачу по «гармонизации межнациональных отношений» главным образом в необходимости поддерживать проживающие на их территории малочисленные этносы и национальные диаспоры, создавать условия для удовлетворения социальных и этнокультурных потребностей мигрантов. На деле это зачастую оборачивается отрицанием права местных жителей на способ жизни, формы межличностного общения, публичного поведения, принятые в местной социокультурной среде.

Нет ничего удивительного в том, что результаты опросов всех ведущих социологических служб в сфере межнациональных отношений сходятся в том, что в стране происходит «радикализация большинства», усиление ксенфобских настроений. При этом долгое время в подобных исследованиях обращалось мало внимания на социальное самочувствие русского большинства. Поэтому, в известном смысле, откровением стал тот факт, что 37% участников опроса, выполненного для Общественной палаты Российской Федерации в мае-июле 2013 г. [9], заявили, что русские находятся в униженном положении в своей собственной стране (а в столичных регионах, как оказалось, так считает еще больше – почти половина русских – 46%).

В таком контексте по-иному начинает восприниматься тот факт, что в том же году по данным «Левада-центра» лозунг «Россия для русских» поддержало в ходе опросов 66% россиян (в июле 2014 г. – 54%). А доля тех, кто считает, что на территории страны надо ограничить проживание выходцев с Кавказа составила 54% (в 2014 г. эта доля снизилась до 38%, но данное снижение произошло, по мнению социологов, скорее лишь из-за того что фокус общественного мнения сместился под воздействием внешнеполитических факторов) [10].

Проведение национальной политики будет средством реализации общегосударственных задач в том случае, если она будет учитывать характер и специфику национально-территориального устройства Российской Федерации. Идеология этноцентризма, поддерживающая высокий уровень этнической мобилизованности в республиках, при сдерживании процессов этнического пробуждения у русских как самого многочисленного народа Российской Федерации делает неустойчивой не только межнациональную ситуацию в стране, но и расшатывает всю существующую госу-

дарственную конструкцию. Многоязычная и мультикультурная Россия оказывается не застрахованной от распада.

Роль русского большинства в государстве и его национальных образованиях во многом определялась и определяется исторически выработанным у русских, ставшей отличительным свойством их идентичности и ментальности осознанием своей связи с государством, заботой о сохранении его целостности и единства. Развитие принципов федерализма, перспективы территориально-пространственной и административной организации российского государства сегодня во многом зависят от самоопределения русского народа, от преодоления им кризиса идентичности.

Поиск перспектив дальнейшего национально-государственного строительства Российской Федерации упирается, по существу, в вопрос русской идентичности. Следует согласиться с мнением о том, что «не бывает «политических наций» без этнических ядер, «гражданского» национализма – без этнической подоплеки, государственного строительства, включая демократическое, – без националистической мобилизации» [14].

Сегодня можно услышать заявления о том, что русский народ неоднороден, что его единство является фикцией, проявляющей себя лишь в идеологической и политической реальности. Тогда как в повседневной жизни люди, причисляющие себя к русским, «не представляют собой такого единого народа, каковым по своей повседневной функциональности являются, например, якуты или татары в современной России» [6].

Получили распространение утверждения, что в современной российской культуре нет материала для «национального семиозиса» русских, отсутствуют необходимые для этого «внутренние консолидирующие культурно-ценностные константы» [11. С. 1], что

русские остаются под воздействием мировоззренческих представлений имперской эпохи, без которых они не могут существовать, а собственно этноним «русские» не имеет четких границ, выражая размытый характер идентичности.

Здесь необходимо принять во внимание, что если различные народы и этносы в СССР (не забывая о том, что были среди них те, кто пострадал, был подвергнут репрессиям, депортации), внешне следуя требованиям советского официоза, имели возможность сохранять свою культурную самобытность и даже, до известной степени, получали в этом поддержку власти, то русские, по существу, пережили в XX веке в наиболее радикальной форме денационализацию. Советское государство всеми силами пыталось не допустить политизации, ограничить или даже элиминировать проявления русского национального сознания, введя их в русло наднационального государственного патриотизма и советской идентичности (при этом, не отказываясь от его использования особенно в критические для государства моменты).

Русский народ и русская культура с момента создания советского государства были превращены в строительный материал и поле для эксперимента по созданию «новой исторической общности людей». Положение русского народа в системе межнациональных отношений изначально было определено ленинскими тезисами о вине «великодержавной» нации, требовании соблюдения не только формального равенства наций, но такого неравенства, которое «возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается фактически» [7. С. 359].

Раскрестьянивание, массовая коллективизация, «ускоренная индустриализация», сопровождались борьбой с православной верой, уничтожением традиционной русской народной культуры, ее ценностно-смыслового ядра, утратой

культурно-бытовых традиций русских, превращаемых в «цементирующую основу» нового общества. Произошло, по существу, разрушение (саморазрушение) русского этноса.

Когда говорят, что в поисках опоры для формирования идентичности русских значительную роль сегодня стали играть мифологизированные традиции и символы национальной истории, упускают из виду, то массовое мифотворчество, в которое с 1990-х гг. погрузились национальные республики. Если оглянуться, можно увидеть, что многие российские народы и этносы (в том числе представляющие титульные нации республик) заняты не просто возрождением этнической культуры, традиций, но и активным конструированием своей этнической идентичности. В этой способности почему-то отказывается только русским.

В действительности же, в российской истории и культуре есть огромная составляющая, позволяющая говорить о «русской истории», «русской культуре». Расширение поля православной культуры в последние два десятилетия дает пример того, как на самом деле может происходить восстановление традиций, обычаев, моделей повседневного поведения, праздничной культуры русских.

Русская Православная Церковь, вообще, является сегодня единственной институцией, выступающей в качестве опоры этнического самосознания русских. В республиках существует тенденция выдавливания православия как «религии русских», замены ее различными верованиями, например, шаманизмом в Якутии, язычеством – в Поволжских республиках (Мордовия, Чувашия, Удмуртия). В Марий Эл система народных языческих верований, в немалой степени благодаря усилиям национальной интеллигенции, превращена в никогда не существовавшую ранее «Традиционную религию марийского народа».

Еще одним из возможных путей в поиске основы для русской идентичности выступает существующая в различных вариантах региональная идентичность («поморы», «уральцы», «сибиряки» и пр.). Кто-то видит в этом региональном разнообразии угрозу становлению процессу самосознания русскими себя как единого народа. На самом деле, представляется естественным сочетание этих двух начал, особенно на современном этапе, когда стоит задача созидания русскими самих себя из людей, превращенных в советский период в «русских вообще».

На XVIII Всемирном соборе русского народа в ноябре 2014 г. было заявлено, что принадлежность к русской нации определяется сложным комплексом связей: генетическими и брачными, языковыми и культурными, религиозными и историческими. «Но для формирования русского национального самосознания обязательно, чтобы совокупность этих связей с русским народом (независимо от их природы) была сильнее, чем совокупность связей с любой иной этнической общностью планеты... Рождение от русских родителей в большинстве случаев является отправной точкой для формирования русского самосознания, что, однако, никогда не исключало возможности присоединения к русскому народу выходцев из другой национальной среды, принявших русскую идентичность, язык, культуру и религиозные традиции» [3].

На том же Соборе была принята «Декларация русской идентичности», определяющей, что «русский – это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа» [3]. Подобный широкий подход, предполагающий, что основой идентичности выступает не только этни-

ческое происхождение, но и разделяемые ценности русской истории и культуры, осознание духовного родства с русским народом открывает возможности для формирования на этой основе прочной общегражданской идентичности.

Россия еще не до конца осознала, что с распадом СССР она впервые за столетия своей истории неожиданно столкнувшись с необходимостью разбираться с собственной сущностью, смыслом своего существования, вынужденная искать теперь уже внутри себя новую точку опоры. Переосмысления всей парадигмы предшествующего развития России, необходимость поиска своего места в изменившемся мире требуют кардинального пересмотра ценностно-смысловых начал ее жизни и государственного бытия, основ внутреннего единства ее народов. Только из этого может возникнуть новое национальное задание и задачи. Без этого невозможно конструирование идентичности современных русских, прерывание того сомнабулического состояния, в котором они все еще прибывают. Возрождение их этнической самосознания и культуры на данном этапе становится необходимым условием на этом пути.

В публицистике и научной литературе рассматривается несколько основных возможных вариантов легитимации «русского вопроса» таких как: превращение России в русское национальное государство (включая проект имперского национализма); создание Русской Республики (республик) в составе Российской Федерации; преобразование России в русское национальное государство, с сохранением национальных республик и увеличением автономных прав для русских регионов. Очевидная бесперспективность и даже губительность для России первых двух сценариев стала еще ясней в ходе их постоянного критического осмысления, что превратило их уже скорее в некий жупел.

Третьим проектом, имеющим различные модификации, является возможность превращения России в русское национальное государство, но сохраняющее при этом разные формы автономии (включая республиканский статус) для российских этносов при условии уравнивания их в правовом отношении с субъектами Федерации с преимущественно русским населением. Данный проект, по своему социальному содержанию, не противоречит российскому федерализму, который по своей сути «олицетворяет государственное единство, объединение десятков народов как этнотерриториальных общностей вокруг русского народа, являющегося ядром и главной цементирующей силой многонационального федеративного государства» [5. С. 201]. В этом видится проявляющая себя на различных исторических этапах своеобразие национальной государственности и самого русского народа, превращающее Российскую Федерацию в федерацию особого рода.

Некорректным представляется сведение принципов национальной государственности к этносоциальным или этническим началам. Создание демократического национального государства не предполагает, что каждая нация (этнос) обязательно должна иметь отдельное, обособленное от других народов государство (по принципу «одна нация – одно государство»). Современное понимание демократической национальной государственности заключается в признании того, что эта государственность всех народов и этносов, проживающих на данной территории. Характерно, что именно многонациональный народ России выступает носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации.

Одновременно имеется в виду, что в демократически устроенных федеративных «национальных государствах», помимо «нации сограждан», связанной

общими системами культурных и политических ценностей, могут сосуществовать и развиваться сообщества неполитического типа («этнонации»), суверенитет которых определяется их лингвистической и культурной автономией [2. С. 24]. Здесь можно вспомнить, что русская философия начала XX века видела сверхнациональное призвание России в признании национального сознания народов, ее населяющих, в принятии их духовных потребностей, отмечая, как невозможность для нее механического сплава потерявших духовный облик народов, так и обособленного их существования.

Сложность состоит в неопределенности очертаний, которые может приобрести в конечном итоге государственное устройство современной России, что вынуждает начать двигаться по пути, постигаемому скорее интуитивно, пользуясь в большей степени историческими аналогиями. Так или иначе, но, очевидно, что по своей внутренней структуре, содержанию и форме обновляющаяся российская нация «не может просто повториться как российская нация периода Российской империи, как «советская нация» или как современное государство-нация Запада. Она не должна поддаться западноевропейским соблазнам как «правильного котла» этнической ассимиляции, так и «мультикультурализма», ведущего к формированию параллельных этнических сообществ» [8. С. 123]. Процесс консолидации российской нации представляется сегодня скорее не как движение к государству-нации, а как движение, «опирающееся на культурно-цивилизационное многообразие России, – к формированию новой сущности России как государства-цивилизации» [8. С. 123].

Несмотря на то, что в сегодняшней Российской Федерации сформированы основы ее политической системы, определены ключевые государственные институты и механизмы, она все еще, по

существо, представляет собой переходное образование, возникшее вследствие глобального геополитического процесса, частью которого явился распад Советского Союза. Продолжающаяся трансформация России, как и других государств на постсоветском пространстве, может быть описана как попытка составной части прежнего мегаобразования реконструировать себя как целостное независимое национальное государство.

Отличительной особенностью России является ее многонациональный характер, на протяжении большей части ее истории определявший формы и природу ее государственности. Задачи формирования системы межнациональных отношений в стране на современном этапе обернулись для нее новым (по сравнению с Российской Империей и Советским Союзом) историческим вызовом, вновь требующим поиска и выработки основ, общих принципов и механизмов, способных обеспечить единство ее народов, в соответствии с возникшими реалиями.

Процесс преобразований в стране в данном отношении затрудняет, во-первых, последствия дрейфа Российской Федерации в 1990-е гг. в сторону ее дальнейшего превращения в «этнофедерацию» (продолжающие оказывать противоречивое влияние, как на сложившуюся систему межнациональных отношений, так и на поиск стратегий общественно-государственного развития). А во-вторых, кризис национального самосознания русских, составляющих основную массу населения России, неопределенность их правового статуса, отсутствие четкой стратегии государства в отношении возможности их этнокультурного возрождения.

Консервация нынешнего положения в межнациональных отношениях, характеризующаяся усилением негативных тенденций, не дает ситуации развиваться, загоняя проблему вовнутрь. Осуществляемая государством политика в сфере

межнациональных отношений во многом исчерпала свои ресурсы, о чем свидетельствуют сохранение национально-этнических и культурных разделительных линий внутри страны. Сохраняется прежняя траектория движения государства и общества, не просматривается выход из сложившейся ситуации. Сегодня национальная политика государства нуждается в действительном осмыслении происходящего, в принципиальной концептуализации.

В настоящее время общим условием решения стоящих проблем выступает поиск путей возрождения русского народа, соблюдения его этнокультурных и политических прав, без чего невозможно достичь принципиального улучшения межнациональных отношений и баланса интересов в обществе. «Русский вопрос» в этом контексте становится вопросом о системообразующих началах российской культуры, общества и государственности, сохранения связей, обеспечивающих единство и целостности Российской Федерации.

В выступлении Патриарха Кирилла на XVIII Всемирном соборе русского народа говорится: «Судьба же русского народа, его благополучия, его целостность, зрелость его самосознания должны быть признаны ключевыми факторами в сохранении духовного и политического единства России. Пренебрегать этим сегодня – значит разрушать государство, закладывая под него мину замедленного действия» [12].

Формирование этнокультурной идентичности русских не противоречит процессу становлению общегражданской идентичности в России как политической задаче. Русская этнокультурная идентичность по-настоящему обретает себя только в связи с представлением об исторически сложившемся единстве многонационального русского народа. Анализ процессов эволюции государственно-гражданской идентичности народов,

включая русских, в постсоветской России показывает, что не размывание этнической идентичности, а ее укрепление в российских условиях способно обеспечить прочность фундамента формирующейся общероссийской идентичности (российской гражданской нации), выступающей как синтез этнических идентичностей всех народов (этносов) России.

Сегодня востребованы не проекты укрупнения субъектов Федерации, объединения автономий и «роспуска» республик, а поиск долговременных стратегий

сближения народов России. Качественное изменение состояния системы межнациональных отношений возможно только на пути ее постепенной эволюции, борьбы за общественное мнение, изменений общественного сознания, становления общегражданской идентичности, которые на определенном этапе подведут российский социум и государство к постановке вопросов о конкретных формах его государственного и территориально-административного устройства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бараш Р. Э. Нормативные и социальные предпосылки реализации политики мультикультурализма в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. Выпуск № 6 (112) / 2012. С.4–14.
2. Гранин Ю. Д. Станет ли Россия «национальным государством»? // Вопросы философии. 2011. №1. URL: http://vphil.ru/index.php?id=252&option=com_content&task=view (Дата обращения 10.12.2014)
3. Декларация русской идентичности. URL: <http://www.vrns.ru/news/3398/#.VLuO16MqT90> (Дата обращения 10.12.2014)
4. Дробижева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. №12. С. 49-58.
5. Енгибарян Р.В., Тадевосян Э.В. Конституционное право. – М.: Юристъ, 2000. 492 с.
6. Кузнецов И.М. Выступление на семинаре Фонда «Либеральная миссия». «Русский вопрос» в России. URL: <http://www.liberal.ru/articles/939> (Дата обращения 10.12.2014)
7. Ленин В.И. Последние письма и статьи. 23 декабря 1922 г.– 2 марта 1923 г. // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356-362.
8. Михайлов В.М. К вопросу об эволюции государственно-гражданской идентичности россиян // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2011. С.115-124.
9. Национальный вопрос в российской общественно-политической жизни / Под редакцией М.В. Романова и В.В. Степанова. – М.: Общественная палата РФ, 2013 (на правах рукописи). URL: opr.f.ru/files/2013dok/nacsvopros19092013.pdf (Дата обращения 10.12.2014)
10. Пресс-выпуск. Национализм, ксенофобия и миграция // Левада-центр. 26 августа. 2014. URL: <http://www.levada.ru/26-08-2014/natsionalizm-ksenofobiya-i-migratsiya> (Дата обращения 10.12.2014)
11. Савченко В.В. Этнокультурная идентичность русских в современной России: автореферат дисс... канд. филос. наук. – Ставрополь, 2009. 21 с.
12. Слово Главы ВРНС, Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла на XVIII Всемирном Русском Народном Соборе. URL: <http://www.vrns.ru/news/3393/#.VLuO26MqT90> (Дата обращения 10.12.2014)
13. Соколов В.А. Политическое измерение русского вопроса в современной России: автореферат дисс... канд. полит. наук : 23.00.02 Ростов н/Д, 2005. 26 с.

14. Соловей В. Д. Исторические смыслы русского национализма. URL: <http://www.apn.ru/publications/article11044.htm> (Дата обращения 10.12.2014)
15. Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014-2020 годы)». С.3. URL: <http://www.minregion.ru/regprog/1138.html>. (Дата обращения 10.12.2014)
16. Холмогоров Е. С. Сняться с рифа // Известия, 13 ноября 2014 г. URL: <http://izvestia.ru/news/579389> (Дата обращения 10.12.2014)